

1996к
252.16)

TARTU ÜLIKOOLI
VENE KIRJANDUSE ÕRRETOOL
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК
XVI

АЛЕКСАНДР БЛОК
И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

*В Библиотеку
Тручкенинского Дома
от кафедры русской
литературы Тартуского
университета*

8.07.2003

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

ДНЕВНИК АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА 1941 ГОДА

Вступительная статья, подготовка текста и комментарий
АЛЛЫ ГРАЧЕВОЙ

Алексей Михайлович Ремизов принадлежал к той культурной среде русского общества, одной из констант жизни которой было ведение дневников. Его ровесникам было суждено претерпеть многочисленные испытания, рожденные трагическими катаклизмами как российской, так и мировой истории XX в. И тем не менее, люди этого поколения не переставали делать дневниковые записи даже в самые тяжелые периоды своего земного бытия.

Ремизов вел дневники с детства и до смерти, с редкими перерывами, объясняемыми экстремальными обстоятельствами: невозможностью фиксировать, осмыслять каждый прошедший день, а большую часть жизни — не только день, но и полную снов ночь. Несмотря на многочисленные переезды самого писателя сначала в пределах Российской империи, а потом, в период эмиграции, в границах Европы, несмотря на прижизненное и посмертное передвижения его творческого наследия по странам и континентам, можно сказать о том, что ремизовский архив как собрание творческих рукописей, писем и документов в целом сохранился. Но такого вывода нельзя сделать относительно его дневников. По свидетельству Ремизова, в начале 1900-х гг. он сам уничтожил ранние творческие рукописи и дневники. Насколько можно реконструировать дальнейшее развитие событий, в 1921 г., навсегда покидая Россию, писатель взял с собой записные книжки и дневники середины 1900-х – 1910-х гг. как личное имущество, разрешенное к вывозу. Доказано, что в Берлине дневники 1905–1906 гг. были использованы им для создания книги о В. Розанове «Кухня» (1923). Опять-таки по свидетельству самого Ремизова, в Берлине у него был украден чемодан с вещами и документами,

возможно, именно в нем и находились ныне утраченные дневники. По невыясненным причинам отдельно от остальных писатель держал Дневник 1917–1921 г., в переработанном виде вошедший в состав его книги «Взвихренная Русь» (1927). Его оригинал сохранился в парижской части эмигрантского архива Ремизова (Собрание Резниковых) и был опубликован¹. В 1920–1930-е гг. писатель вел графические дневники, где он «записывал» дневные события и сны в виде «ежедневных рисунков»². В 1940-е гг. и до смерти (1957 г.) Ремизов продолжал свои «временники», но вновь в форме словесных текстов. Они частично опубликованы Н. В. Кодрянской³.

В жизни Ремизова было три наиболее тяжелых периода.

Первый из них — это годы его революционной деятельности (аресты, ссылки). Дневник этого времени не сохранился, и вполне возможно, что его и вовсе не существовало, так как Ремизов четко усвоил законы революционной конспирации. Однако записи дневникового типа можно найти в его тогдашней переписке, например, в ежедневных посланиях Ремизова П. Е. Щеголеву⁴ в момент пребывания начинающего литератора в Москве в ноябре 1902 г.

Второй период — это время русской революции 1917 г., большевистского октябрьского переворота и первых лет, пользуясь ремизовским выражением, «русской Смуты XX в.». По иронии судьбы, Дневник этих лет сохранился. Ремизов фиксировал в нем исторические события, записи разговоров многочисленных знакомых, слухи, «голоса улицы» (частушки, анекдоты, тексты тогдашней прессы — от листовок до большевистских газет) и сны — как свои, так и Серафимы Павловны. Начало Дневника — это подробная фиксация происходящего и осмысление его в категориях ремизовской эсхатологической историософии. Революционные события развивались стремительно, жизнь становилась все тяжелее, но Ремизов продолжал свой «временник» даже тогда, когда существование в голодном Петрограде стало невыносимым. Это состояние фиксируют его записи 1919 г. Например, в ноябре Ремизов внес в Дневник следующие горькие слова: «Последние дни такие темные. Думал: подам прошение Совет<у> Народ<ных> Ко-

мис<саров> расстрелять меня как запаршивевшую собаку — все равно, ни толку от меня, ни пользы. Все мое время уходит на добычу, а венец дел — один раз в неделю пообедать <...> Сны мне больше не снятся <...> Истомленный ложусь и сплю. Свинья жизнь наша. Делать все — не хватает ни сил, ни времени для своего дела. И свое не делаешь. Сколько я думал, а записать и пустяков не удосужишься. Ожесточенные мысли приходят мне в ожесточении моем и отчаянии»⁵. Тогда писатель нашел выход из сложившейся ситуации — отъезд из Советской России. Когда он покидал Петроград, ему было 44 года, он уезжал с родным человеком — женой, и, как он думал, покидал родину не навсегда.

В 1940 г. Вторая мировая война пришла во Францию, где Ремизов жил в эмиграции. Ему — 63 года. Серафима Павловна была тяжело больна, и состояние ее постоянно ухудшалось. Писатель отдавал все силы уходу за ней, ведению домашнего хозяйства и добыванию еды через благотворительные организации. Духовных сил и физической возможности заниматься литературной работой не было. Отсутствовала и практическая база для зарабатывания денег таким способом, поскольку кроме нескольких коллаборационистских изданий, в которых писатель не принимал участия по принципиальным соображениям, остальная печать прекратила свое существование. Вокруг Ремизова уже не было той мощной культурной среды, которая в давние революционные годы поддерживала морально и давала дополнительные силы для сопротивления несчастьям. И вот в таких условиях в ноябре 1941 г. он после долгого перерыва снова начал вести дневник под заглавием «Моя отходная», делая записи черными чернилами на правой стороне разворота тетради в 1/16 листа. Вспоминая позднее о годах оккупации, он охарактеризовал обстоятельства появления и тип возникшего текста так: «Вот уже три года, как я ничего не пишу. И только снится: кто-то с глазами полными слез стоит передо мной. И я начал себе “отходную”, что был человек, был обуян словом, маньяк, и все кончилось, ушли слова и осталось порожнее место, засыпано цифрами продовольственных карточек, и очень хочется спать. Отходной я не кончил, вместо

слов пошли рисунки, так легче, и втянулся, по-лошадиному засыпаю в очередях, стоя»⁶.

Действительно, ремизовские записи велись только в течение ноября 1941 г. Чернилами, идентичными основному тексту, обозначена только дата начала дневника: «суббота 15 XI 1941». Остальные датировки проставлены позднее и указывают только месяц и год. Дата последней записи: «1941 XI» и находящееся под ней дополнение: «1942» — отмечают наступление «времени», которого «больше не стало», так как начался самый тяжелый момент последней фазы смертельной болезни Серафимы Павловны. Но сила творческой энергии «маньяка, одержимого словом», была столь велика, что «Моя отходная» представляет собой жанровую форму, в которой дневник, как тип документальной прозы, изначально синтезирован с художественным произведением. Ремизов фиксировал реалии жизни в многоквартирном доходном доме на улице Буало, где, как в сюрреалистическом видении, повторилось почти все, что уже было когда-то в революционном Петрограде. Сравним записи разного времени. Дневник 1920 г.: «Второй день, как лежит Сер<афима> Пав<ловна>. Припадок печени. Второй день воды нет. Измаялись, измучились <...> Сижу и чувствую, что топлюсь — дома воды нет, опоздаю, и не принесут <...> Завтра к Лошкомоеву надо идти, стоять в очереди, клянчить»⁷. «Моя отходная»: «Лопнули трубы: от уборной и как достать воды и какой-нибудь еды и ч<то>-<ни>б<удь> <...> У меня стало больше времени. Я не стою в хвостах — нет совсем денег. Без дна и без крыши так вопиет моя душа сгинуть из этой жизни».

Как и много лет назад, привычная жизнь была нарушена; город находился во власти «чужих»; возможность заработать деньги литературным трудом исчезла; многие друзья, знакомые скрывались или были вынуждены эмигрировать; Серафима Павловна была больна все той же болезнью, но теперь уже безнадежно. Как видим, оба дневника писались в экстремальных, отчасти типологически сходных обстоятельствах. Однако краткие записи 1941 г. исполнены большего трагизма и безнадежности. В революционном Петрограде Ремизов был в сердцевине кипящей жизни своей страны — Взвихренной

Руси, его страдания являлись частью бедствий его народа. Новую «годину гнева» он — старый эмигрант — встретил во Франции. Через весь текст Дневника 1941 г. лейтмотивно проходят темы одиночества, ненужности и вынужденной отчужденности автора: «Съеден на 9/10-х, вот оно горе, не забытый а почти забытый Богом <...> чего же тут радоваться? Трем папиросам <...>, 5 кускам сахара? <...> Или своей покинутости? (берегу 10 фр<анков>) — единственные <...> нечему радоваться».

Несмотря на неравный и текстуально, и семантически объем двух дневников, они сопоставимы как формы эстетического самовыражения художественной личности, для которой невозможно жить вне творчества. И в Дневнике 1917–1921 гг., и в «Моей отходной» фиксирование реальности переходило в изображение «второй реальности» — творческой. В Дневнике 1917–1921 гг. находились записи замыслов, наброски, а также цитаты, использованные в дальнейшем в хронике «Всеобщее восстание»; в рассказах, объединенных в цикл «Шумы города»; в романе «Плачущая канава»; в статьях, объединенных в книгу «Крашенные рыла»; в произведениях «Слово о гибели Русской Земли», «Огневица». На четырнадцати страничках Дневника 1941 г. присутствовали записи, которые потом стали лейтмотивными в книге «Пляшущий демон» (1949), «Мышкина дудочка» (1953). Подобно тому, как Дневник революционных лет позднее почти целиком, в переработанном виде лег в основу романа-коллажа «Взвихренная Русь», так и «Моя отходная» была переделана и полностью включена в произведение, посвященное последним дням Серафимы Павловны («Сквозь огонь скорбей»), а затем в составе этого текста вошла в книгу о всей ее жизни «В розовом блеске» (часть «Сквозь огонь скорбей», глава «Залом», подглавка «В беспастушное пространство»⁸).

Сравнительный анализ подглавки с ее источником показал, что Ремизов, сохранив неприкосновенным общее количество «микросюжетов» из сферы реальности и снов, изменил тип «макросюжета» текста. В «Моей отходной» последовательность чередования бытовых эпизодов, записей снов и цитат —

своеобразных «свернутых сюжетов» — определяется летописной последовательностью их появления в реальности автора дневника. В подглавке книги «В розовом блеске» структура ремизовского универсума, в котором хаос парижской реальности 1941 г. трансформирован в космос авторского «беспастушного пространства», обуславливает иные связи тех же «микросюжетов», — связи, определяемые не хронологией, а художественной логикой. При этом Ремизов, перерабатывая текст своего Дневника 1941 г., восстановил внутреннюю связь 1917–1921 гг. и 1940–1945 гг. как времен, сходных для экзистенции его авторского «я»: «Рваные ботинки, продранные чулки, сырость, везде течет и лопнули трубы — подтирай пол, а за водой — в соседний, а дают неохотно. Но в России “стены” — помогали, а тут чужой. В России у меня был вызов — все принять: судьба ли меня согнет или я ее измором возьму. А тут одна оборона, и единственное всем повторял я: “не обращайтесь внимания”»⁹.

В «Моей отходной» образы сновидений связаны с компенсаторной функцией сна как возврата в счастливое прошлое. Оттуда география снов (Москва, окрестности родного дома), связанные с той же темой (Кремль) раки с мощами святых, являвшийся еще в детских сновидениях «карлик», хрестоматийный, как с портрета в гимназическом учебнике, Лермонтов. Как показывает анализ рукописи, работа по переделке текстов снов была начата Ремизовым сразу же после точной записи сновидения. А в подглавке «В беспастушное пространство» писатель трансформировал образы из сновидений в персонажей, равнозначных явившимся из реальности, дополнив их мир историческими и литературными героями и изменив тему Москвы как города детства и юности на тему Москвы как воплощения Руси = России = Родины.

Значение Дневника 1941 г. «Моя отходная» состоит прежде всего в его уникальности как исторического документа, фиксирующего жизнь Ремизова в период его вынужденного творческого молчания 1939–1943 гг. Надо отметить, что после «Моей отходной» Ремизов стал «запоем» писать только в 1943 г., сразу же после смерти Серафимы Павловны, но тог-

дашные его тексты, созданные как целостные художественные произведения («Сквозь огонь скорбей», «Мышкина дудочка»), были опубликованы позднее и в иных редакциях. С 1945 г. в журналах и сборниках начали появляться только отрывки больших текстов.

Таким образом, до сих пор творчество Ремизова 1943–45 гг. хранится в архивах разных стран и остается еще неизвестным читателю. Текст «Моей отходной» позволяет: увидеть трагическую реальность ремизовской жизни этого времени; уточнить время возникновения замыслов, реализованных позднее («Мышкина дудочка», «Пляшущий демон»); наконец, приподнять завесу над тайной формирования художественной структуры концептуально-значимой для позднего Ремизова книги «В розовом блеске».

Текст «Моя отходная» публикуется с сохранением индивидуально-авторской орфографии.

А. М. Ремизов

МОЯ ОТХОДНАЯ

задумана на прошлой неделе испытаний
суббота 15 XI 1941 Paris

1941 XI¹⁰

Пещерная жизнь

Одна мысль о тепле. Лопнули трубы: от уборной и как достать воды и какой-нибудь еды и ч<то>-<ни>б<удь>. Ночь была без пробуды. Ночью в мою пещерную жизнь приходят сны.

Обыкновенно я не запираю наружных дверей: дверь всегда приоткрыта. Но тут я хорошо помню, что захлопнул. И слышу кто-то вошел. Я хотел отворить кухонную дверь, и долго не мог: какая-то сила держала ее. А когда отворил, ко мне вошел карлик: очень тоненький в черном колпаке и весь в черном — блестящий как высеребренный. И такое же лицо блестящее стекло. Он мне подал кувшинчик с молоком.

— С лунным молоком.

И книгу старой золотой парчи — Жар-птицы.

А раньше: вижу под высокой аркой в зелени Лермонтов на нем мундир с желтым воротником и фуражка с желтым околышем. И мы пошли по берегу Яузы под благовест Андрониева монастыря. Кругом репей и старые ветлы на жаре спящие «коты» (с Хитровки). Заглядывая в глаза, я ем<у> хочу на-помнить о себе, — но скупный — в его глазах кремнистый путь блестит — не узнает меня¹¹.

1941 XI

---¹²

Теперь я понял, что это за акафист, это частое «Радуйся» — радость разменялась. Скоро за право дышать станет радостно.

Часы остановились, услышу где-нибудь да будут бить и обрадуюсь. А один сказал мне: хорошо что еще радуетесь, а я и в мелочах — равнодушен¹³.

А сны: прежде явление рыб было живое: серебряные в прозрачной воде, а сегодня приснились сардинки, готовые, как когда-то без косточки.

1941.

XI

Сон¹⁴

Нечего дать и дали мне скорлупку от ореха. Я надела на ногу и понеслась как на роликах и все дальше и дальше. Остаться и зацепиться. «Но от меня не радость, вот как моя жизнь». И все-таки помчались. Дом. Вошли не в дверь, а как-то. Хозяйка. На столе вышивки. «Хоть что-нибудь». «Зачем, я дам вам хорошие комнаты».

«Нас соединило море и танец». Лифарь. «И я почувствовал<a> запах моря и ветерок».

Верую в пепел. Когда курю, сыплю на пол, не в пепельницу, и на рукопись, и куда попало. Исповедую огонь. Только в «огневице» и мысль родится и воображение. Да и весь мир цветет.

И из пепла восстанет жизнь, верю. А люблю осеннюю дорогу, палые листья, вой ветра, круть ветра, дыхание жизни.

Какая¹⁵ моя теперь жизнь. Урвал минуту — и слава Богу. И каждый раз, получу хлеб или добыюсь получить рыбы, говядины, масла, чему-то... да чему же радоваться? Спрашиваю себя, когда самое главное закрыто, пропало. Записываю, только записываю урывком.

С 1/2 9-го утра до 1/2 9-го вечера по хозяйству: в очереди и на кухне.

Сон

Лежу на правом боку; за левым ухом у меня бутылка: вино двойное с одного края красное, а с другого белое и разного качества

[*рисунок*¹⁶: лежащий человек с бутылкой]

Птица длинный хвост, алая грудь, зеленоватая посажена в кастрюлю с водой. Я вынул, почистил крылышки — мокрая

[*рисунок*: птица]

Наш дом громкий — в улицу: Rue Boileau.

1941 г.

XI

Утячье кочевье

Свет, я увидел его на лице.

У нас ничего не осталось — ничего и вдруг говорят: кто-то будет платить и я могу получать обед.

Будем, конечно, делить, и все-таки — а что есть ведь нечего, только подболточка мука.

Drieu la Rochelle

Прежде я мечтал что-то напишу, а теперь и на мечту не остается мига.

1941

XI

Испытание: четыре часа собирал на корточках воду — [испортил] в раковине в уборной от засорения поднималась вода — семизтажная моча. С промокшими ногами и голова болит. Накануне вечером с час было такой работы. Не отчаяние, а любопытство: что дальше, когда меня зальет. Этому не быть, все забыто. А сегодня затерла кухня и уж одно отчаяние: пропасть — как, все равно. Но в глубине, это как радуюсь¹⁷, вдруг поднимается вера, что придет — кто-то поможет.

Во сне видел Drieu la Rochelle'я — и такой выдался суматошный день и что удивительно эта кухня без результата: и добро погубило и газу извел, все на выброс.

1941 XI

Тананака

О. Ф. (Слепышка)

Я сказал: душу мою освободите!

И она повторяя: тананака (так Болотов называл свои стихи тананакою) взмахнула моим черным шарфом (Мар<ьей> Алекс<андровной>¹⁸ и я как ухнув поднялся через кипящую чернь вверх на головокругительную высоту, а там все обыкновенно, день, светло

10-11 XI

Бог¹⁹ не выдаст, свинья не съест. Съеден на 9/10-х, вот оно горе, не забытый а почти забытый Богом. И на чтение почти не остается времени и хочется спать.

1941 XI

*

И²⁰ опять я схватился: чего же тут радоваться? Трех папиросам (а вот уже неделя, как курю смесь: нюхательный табак

с полыновкой), 5 кускам сахара? (достал не для себя, я забыл, что такое сахарный вкус). Или своей покинутости? (берегу 10 фр<анков> — единственные). Или то, что увидел не покинутого и спросил себя, что во мне, отчего отпугивались, и отходят с «обидою»? И то, что ухитряюсь записывать — нечему радоваться.

Сон был денежный: видел Шестова, а поутру счет принесли за газ: 156 frs. И не забыть: на этой неделе обещал уплатить: 27 + 25 + 111 + 40. — —

Господи!

1941 XI

Люблю шум, тесноту, безобразие — и бар с музыкой. Хороша тихость, дети, но все это хорошо в «небольшом количестве», надоедает и скучно.

И опять чему-то радуюсь?

Чему? чему?²¹

Весь в долгу и «ни копыя». Или от того, что так крепко верю — «фатально», что что-то произойдет и поправится.

Это также, как в налеты. Я «фатально» верил, что никакая бомба меня не тронет и когда полетели на голову осколки и кровью залило лицо, я верил, что это не конец, а только толчок в загорбок — на волю.

1941 XI

именем Русь начинается пляска²².

XI 1941

Еще в детстве:

из какой руки, спросят,
и я всегда скажу, назову
ту, в которой пустышка.

Не выигрывал ни в какие лотереи. Ничего не давалось так.

Здорово живешь, получал тычки.

Был всегда счастливой судьбой «обойденный».

Чувство обойденности выделяло меня: только чему же и тут радоваться?

[*рисунок слева от текста*: изображение фантастического животного]

1941 XI

[*рисунок*: танцующий человек]²³

Лифарь в Жизели

1941 XI

У меня стало больше времени. Я не стою в хвостах — нет совсем денег.

Без дна и без крышки так вопиет моя душа сгинуть из этой жизни.

«Крюково <?>»: плохо — хуже будет

I

Есть такой

«профет»

Сейчас электричество, потом свечи, потом лучина. И без этого не обходится ни один разговор. Сами себя пугают и боятся.

Обыкновенно по субботам самые дикие и конечно грозные новости.

В воскресенье нет газет.

1941 XI

Вишь сны какие!

Две золотые раки: мощи какого-то митрополита и князя — мощи под спудом.

А как вскрыли, оказалось: я вижу через кованные, золотые стенки рубиновый цвет светящийся — ветчина. И все пошли за

кусочком: великолепная ветчина. И я устремился за своей долей — без тикэток.

Или вижу: мне срезали подошвы: розоватые окраса сливочного масла.

После 3 марта (бомбардировка Булони) ничего не снится, хотя вчера была первая ночь непрерывного сна с 2 — 1/2 9-го.

1941 XI

1942

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ремизов А. Дневник 1917–1921 годов / Публ. текста, вступит. ст. и коммент. А. Грачевой (подгот. текста в соавторстве с Е. Д. Резниковым) // Минувшее. СПб., 1994. № 16. С. 407–549.
- ² См. перечень «графических дневников», хранящихся в собраниях России, в кн.: Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб., 1992. С. 13–14.
- ³ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 293–329.
- ⁴ См.: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву: Ч. 1: Вологда. 1902–1903 / Вступит. ст., подгот. текстов и коммент. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1998. С. 121–177.
- ⁵ Дневник А. М. Ремизова 1917–1921 гг. С. 487.
- ⁶ Ремизов А. М. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 338.
- ⁷ Дневник А. М. Ремизова 1917–1921 гг. С. 491.
- ⁸ Ремизов А. М. В розовом блеске. С. 320–329.
- ⁹ Там же. С. 322.
- ¹⁰ Все даты проставлены позже черным карандашом.
- ¹¹ На л. 1 об. вариант абзаца: «И тут появился, я его мельком видел под зеленой аркой, высокий и тонкий в такой же форме <и узнаю это Бестужев>. Мы шли втроем, но я был отдельно. Они шли к Георгию Ив<анову>, я это понял. И вдруг <увидел> из репьев поднялся “Жорж” <Бестужев> в одной руке косточка, в другой хрящик. Чьи-то крики, какие-то люди знаю он стоял на холмике в репьях <2 сл. нрзб.>. И холодный взгляд Лермонтова вдруг потеплел. Обрадовался ли и Жоржу или что-то понял и м<ожет> б<ыть> узнал меня. / М<ихаил> Юрьевич, А<лександр> А<лександрович>! — ск<азал> Жорж. И я понял, что другой — Бестужев. 1941 XI».

- ¹² Отточия указывают разделение записей по листам.
- ¹³ Два абзаца отчеркнуты синим карандашом.
- ¹⁴ Текст на л. 4 (вероятно, запись сна С. П. Ремизовой) перечеркнут синим карандашом.
- ¹⁵ Абзац выделен синим карандашом.
- ¹⁶ Здесь и далее рисунки Ремизова.
- ¹⁷ Имеется в виду акафист к Богородице, см. запись на л. 2.
- ¹⁸ Название шарфа. См. в кн. «В розовом блеске»: «“А это что на тебе?” — “Черный шарф, — сказал я, — называется ‘Марья Александровна’, очень теплый”» (Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 324).
- ¹⁹ Запись синим карандашом.
- ²⁰ Текст отчеркнут синим карандашом до строки: «Сон был денежный...»
- ²¹ Отчеркнуто синим карандашом.
- ²² На обороте л. 11 рисунок — пляшущий человек, под ним глаголический значок — подпись-анаграмма Ремизова.
- ²³ Рисунок и подпись на обороте л. 12.

КОММЕНТАРИЙ

С. 190 ... *ко мне вошел карлик...* — символический образ «карлика» — один из лейтмотивных в творчестве Ремизова. См. его истоки в сказке «Монашек» из цикла «Посолонь» (1907).

С. 191 ... *мы пошли по берегу Яузы под благовест Андрониева монастыря. Кругом ~ и на жаре спящие «коты» (с Хитровки).* — «Коты» — мошенники, обитавшие на Хитровом рынке, имевшем славу одного из самых злочных мест Москвы. Обстановка сна — воспоминание о месте и времени детства писателя. Ср. в кн. Ремизова «Подстриженными глазами»: «... мы переехали на Яузу, и там прошло мое детство поблизости от самого древнего московского монастыря — Андрониева. Летним блистающим утром в воскресенье, когда Москва загорается золотом куполов и гудит колоколами ~ звон этого колокола, настигая меня в комнате или на Яузе на тех окатистых дорожках, где ходить не велено и где спят и бродят одни “коты” с Хитровки, возбуждал во мне какое-то мучительное воспоминание» (Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2000. Т. 8. С. 6).

С. 191 ... *кремнистый путь блестит...* — цитата из стих М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (1841). Это стихотворение — лейтмотив темы Лермонтова в кн. Ремизова «Огонь вещей» (1954).

С. 191 ... *акафист, это частое «Радуйся»...* — Ремизов имеет в виду лейтмотивное слово из «Акафиста ко Пресвятой Богородице».

С. 191 ... *дали мне скорлупку от ореха. Я надела на ногу...* — мотивы сна восходят к сказке В. Гауфа «Карлик Нос», где такие туфли носила волшебница: «Свинки <...> принесли две скорлупки кокосового ореха на кожаной подкладке и ловко одели их старухе на ноги. <...> Она отшвырнула свою палку в сторону и быстро-быстро заскользила по стеклянному полу» (Гауф В. Карлик Нос // Гауф В. Сказки. Минск, 1986. С. 176).

С. 191 *Лифарь*. — Лифарь Серж (наст. имя: Сергей Михайлович, 1905–1986), французский танцовщик, балетмейстер, историк театра, мемуарист, педагог. В эмиграции — с 1923 г. В годы оккупации входил в круг ближайших друзей Ремизова. Один из героев кн. «Мышкина дудочка» (Париж, 1953). Профинансировал издание посвященной ему книги Ремизова «Пляшущий демон» (Париж, 1949).

С. 191 *Исповедую огонь*. — Философское осмысление Ремизовым стихии «огня» восходило к воззрениям древнегреческого философа Гераклита Эфесского (ок. 544–483 до Р. Х.), учившего, что «мир не создан никем из богов и никем из людей, а всегда был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и снова закономерно угасающим. Из всемогущего божественного первоогня, который является чистым разумом, логосом, путем раскола и борьбы произошло множество вещей (“путь вниз”); согласие и мир ведут к оцепенению, пока оцепеневшее вновь не превращается в единство первоогня (“путь вверх”). В этом вечном движении вверх и вниз из Единого происходит все и из всего — Единое» (Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 97). Теория Гераклита во многом является философской базой осмысления Ремизовым таких исторических событий, как Первая и Вторая мировые войны, русская революция 1917 г. Она нашла отражение во многих произведениях писателя, начиная с кн. «О судьбе огненной» (1918), «Электрон. От слов Гераклита Эфесского» (1919) и кончая кн. «Огонь вещей» (1954). См. также: *Безродный М.* Об источниках книги Ремизова «Электрон» // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 154–156.

С. 192 *Наш дом громкий — в улицу: Rue Voileau*. — Эта фраза включена в текст кн. «Мышкина дудочка» (С. 11; 39). Ремизов жил на улице Буало, дом 7 с 1933 по 1957 г.

С. 192 ... *и я могу получать обед*. — Речь идет о происходившей в русском ресторане благотворительной выдаче супа неимущим соотечественникам. См. гл. «Повар» кн. «Мышкина дудочка»: «Гляжу на повара и вспоминаю, как в оккупацию всякий день в двенадцать

выдавал он мне бесплатно суп, а по праздникам — с косточками <...> только всегда тайком от хозяев» (С. 124).

С. 192 *Drieu la Rochele* — Drieu la Rochele, Pierre Eugène (Дрие ла Рошель, Пьер-Эжен, 1893–1945), французский писатель, публицист, критик. В годы Второй мировой войны перешел на позиции идейного коллаборационизма. В 1940–1943 гг. был редактором “Nouvelle Revue Française”, в котором до войны, а также после освобождения Франции публиковались переводы произведений Ремизова. После капитуляции Германии покончил с собой.

С. 193 *Тананака* — См. у А. Т. Болотова: «Отправившись в путь, продолжал я путешествие свое не без скуки, а особенно по причине тогдашней осенней погоды и наступающей уже стужи, ибо было сие уже в начале октября месяца. Привыкнув уже некоторым образом к многолюдству, скучно мне было тогда одному, и потому препровождал я время свое в распевании и тананакании любовных песенок, выученных и затверженных мною в Петербурге и в чтении печатной трагедии “Аристонь”» (Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: В 3 т. М., 1993. Т. 1. Письмо 19-е. С. 193).

С. 193 *О. Ф. (Слепышка)* — имеется в виду Ольга Федоровна Ковалевская (ремизовское прозвище «Листин») — в годы оккупации входила в круг близких друзей Ремизовых, одна из героинь кн. «Мышкина дудочка».

С. 193 ... *почти забытый Богом*. — Ремизов ассоциирует себя с грешниками одного из кругов ада из апокрифического «Хождения Богородицы по мукам». См. первую часть («Забытые Богом») ремизовского пересказа этого древнерусского источника (Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. С. 45).

С. 194 ... *видел Шестова...* — Шестов (наст. фам.: Шварцман) Лев Исаакович (1866–1938), философ, литературный критик, один из ближайших друзей Ремизова.

См.: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступит. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 133–169; № 3. С. 158–197; № 7. С. 92–133; 1993. № 1. С. 170–181; № 3. С. 130–140; № 4. С. 147–158; 1994. № 1. С. 159–174; № 2. С. 136–185.

С. 194 ... *когда полетели на голову осколки и кровью залило лицо...* — См. воспоминания Н. В. Резниковой: «3 июня 1940 г. был налет немецких самолетов на Париж и бомбардировка, во время которой были ранены стеклом Ремизовы» (Резникова Н. В. Огненная память. Berkeley, 1980. С. 94). Этот жизненный эпизод подробно за-

фиксирован в кн. «В розовом блеске»: «3 июня 1940 г. <...> Первые бомбы были брошены на нас, на нашу тихую <...> rue Voileau <...> Отбиваясь от осколков, мы в коридор, а в коридор уже сыпались стекла из другой противоположной комнаты. <...> С очков капала кровь <...> Окровавленный, липкими пальцами вытаскиваю из головы и с лица осколки, и странно, ничего не больно, а Серафима Павловна за руку тащила меня сесть. И вдруг у нее подкосились ноги, точно кто ударил ее, и она опустилась на ящик с газетами, а я ощупью пошел в ванную под кран, промыть глаза. И тут я понял, что меня ударило в левый висок и в бровь. А когда я вернулся, она сидела на ящичке и кровь капала со щеки <...> И с этого часа начинается страда» (Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 314–316).

С. 194 *именем Русь начинается пляска*. — точная цитата из кн. Ремизова «Пляшущий демон. Танец и слово» (Ремизов А. М. Пляшущий демон. Танец и слово. Париж, 1949. С. 11).

С. 195 *Был всегда счастливой судьбой «обойденный»*. — Лейтмотивная тема последних автобиографических книг Ремизова («Подстриженными глазами», «Учитель музыки»). Ср. финал кн. «Подстриженными глазами»: «И я понял: я родился в счастливой “сорочке”, бабка украла “сорочку” <...> Я принужден оставаться среди людей беззащитный» (Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. С. 260). «Обойденный» — аллюзия на название романа Н. С. Лескова «Обойденные» (1865), лейтмотивный образ романа Ремизова «Плачущая канава» (1914–1918).

С. 195 *Лифарь в Жизели*. — «Жизель» (1841), балет. Музыка — Адольфа Адана, либретто — Теофиля Готье. Партия Альберта была одной из коронных в репертуаре С. Лифаря.

С. 195 *Есть такой «профет»* — «профет», от фр. “profit” — выгода, польза.

С. 196 ... *без тикэток*. — тикэтка, от фр. “ticket” (сокр. от: “ticket de ravitaillement”) — продовольственная карточка.

SUMMARIES

ARTICLES AND NOTES

On the origins of Symbolism

Nikolai Bogomolov

D. S. Merezhkovskii, one of the founders of Russian literary symbolism, wrote long poems “Vera” and “The family idyll” in the 1889–1890s. They seem to be the link between the first manifesto of symbolists “On the reasons of decline and some trends in contemporary Russian literature” having been written soon after the manifesto and the pre-symbolist manifesto by N. Minskii “Starinyi spor”, published in the newspaper “Zaria” in Kiev in the middle of the 1880s in the process of literary polemics.

Transparent Motives

(Turgenev in Komarovsky's Work)

Tatyana Civjan

The comparison of two disparate works divided by time, space and style is based on the impressions the author of the present paper gained from reading. The perception of an inner affinity between V. Komarovsky's “Sabinula” and I. S. Turgenev's “Spring waters” led us to the discovery of a whole series of similarities in their plot schemes, motives and rhetorical devices; one could even speak with due caution of textual coincidences. This is yet another argument in favor of Turgenev's importance for Russian prose of the Silver Age.